

Владимир Высоцкий причислял себя к поколению XX съезда. От этого самопонимания знобящая боль его исповедальных баллад о времени культа личности, от 30-х до 50-х годов, когда смертным криком кричали вопрошающе жертвы «мрачных времен»: «на карьере ли, в топи ли, наглотавшись слезы и сырца, ближе к сердцу колоды мы профили, чтоб он слышал, как рвутся сердца». Вот о чем мы не вправе забывать (художники особенно): нельзя предавать память о миллионах невинных... И патристическое движение «Мемориал», развернувшееся в нашей стране и прозвучавшее во весь голос на XIX Всесоюзной партийной конференции, движение, поддержанное 46 тысячами подписей в его поддержку, — это движение в прямой связи с правдой песен Владимира Высоцкого. Будь он жив, и его подпись стояла бы, причем в числе первых, в защиту этого движения, восстанавливающего историческую справедливость. Полны глубокого смысла слова Федора Абрамова, сказавшего в дни прощания с Высоцким: «Для его стихов еще не наступил настоящий срок. Он будет необходим как воздух, когда у нас в доме стрясется беда. С его песнями будут ходить в атаку...»

Много повидавший на своем веку драматург Николай Робертович Эрдман, современник и друг Есенина («Кюля — настоящий поэт, только пишет мало», — говорил о нем С. Есенин), все внимательнее приглядывался к Высоцкому, признавшись однажды на репетиции Любимову: «Этот в-ваш В-высоцкий ч-черт знает что такое!» (он с молодых лет не много заикался. — А. К.) И в этом восторженно-удивленном восклицании звучала интонация признания старым мастером молодого таланта.

Слушая и принимая близко к сердцу песни Высоцкого, Эрдман признался ему: «Вы можете то, чего не можем мы... Это настоящая поэзия. Мы можем интермедия, сценарий, те же стихи, но такого внутреннего поворота нам не одолеть, не достигнуть...»

Прошедшее время, всегдашний союзник истины, подтвердило правоту слов старого мастера. Удивительно, но талант Высоцкого предугадывался и провиделся прежде всего старыми мастерами, деятелями нашей культуры. Достаточно назвать Ф. Г. Раевскую, М. Д. Вольпина, П. В. Массальского, И. И. Соловьева. Ученик Массальского по школе-студии МХАТ, Высоцкий в полной мере унаследовал от своего учителя заповедь: искусство — это прежде всего труд, искусство — это таинство, когда провозглашается не «я в искусстве», а «искусство в себе». Весь 20-летний театральный роман Высоцкого (1960—1980) развивался в контексте этой заповеди: «Добрый человек из Сезуана», «10 дней, которые потрясли мир», «Что делать?», «Пугачев», «Жизнь Галилея», «Гамлет»...

В пору безвременья начала 70-х, сквозь тягучую пелену казенного равнодушья пробив-

ались к своим читателям и зрителям Василий Шукшин и Андрей Тарковский, Лариса Шепитько и Элем Климов, Николай Рубцов и Алексей Прасолов, Геннадий Шпаликов и Вадим Сидур, Александр Галич и Юрий Трифонов... В общем, ситуация напоминала строку-правило проезда в общественном транспорте с жесткой регламентацией: «Выход через переднюю дверь разрешается... персональным пенсионерам по специальным проездным билетам...» Высоцкий не был персональным лицом, не имел никогда специального документа, который бы облегчал ему жизнь в быту и в искусстве. Время от време-

Это, кстати, к вопросу об отношении Высоцкого к новоявленным эмигрантам. Причин выезда некоторых своих знакомых открыто не понимал и не разделял. В 1979 году, после концерта в американском городе Бостоне, Высоцкий неожиданно увидел давнего московского приятеля, а увидев, спросил с горечью и удивлением: «А ты-то, ты-то что здесь делаешь?». И, не услышав связанного ответа, повернулся и ушел.

А по природе своей дар Высоцкого интернационален, как живое поэтическое явление он вошел не только на орбиту отечественной культуры. Во Франции его называют «рус-

нимал сложности и переплетения людских судеб. Он всегда был популярен среди американских студентов. Например, в небольшом городке Оберлин (штат Огайо) в местном колледже издавна разыгрывают в самодельном театре сюжеты песен Высоцкого и Окуджавы, а в Норвичском университете (штат Вермонт) студенты изучают русский язык и наше драматическое искусство по песням Высоцкого, в Чикаго возникло общество поклонников Высоцкого, лидером которого является местный бард, выходец из России Валерий Скулов. Поистине простое и настоящее не знает границ. Скажем, в Болгарии средства

При жизни Высоцкого возле него никогда не было кликушества, фанатизма, его окружали в большинстве своем интересные личности, яркие люди — он тянулся к ним, они — к нему. Так называемых «фанов» не было и в помине, он этого не терпел.

Давно замечено: там, где есть мысль, где есть подлинность — нет кликушества. Как верно подметил В. Б. Шкловский, сказавший на закате своей почти вековой жизни: «Когда люди слушают песни Высоцкого, то вспоминают, что они — люди».

Порой сама наша жизнь, лучший режиссер, собирает воедино непредполагаемые обстоятельства, сводя их в одну точку. Так случилось, когда на прославленной таганской сцене, помнящей романтического Гамлета в исполнении Высоцкого-отца, появился романтический Геракл, сыгранный Высоцким-сыном. В эти дни в Театре на Таганке показывает свои спектакли театр «Современник-2», среди них — «Седьмой подвиг Геракла», где в главной роли Никита Высоцкий. «Я напомию им, что они люди!» — яростно кричит Геракл, с хрипотой в голосе доказывая свою правоту беспечным жителям древнего города.

В размышлениях о жизни Никиты Высоцкого слышен нерв отца: «Мне кажется, что перестройка — это чтобы поменялось что-то в людях. Именно чтобы души другие стали, открылись больше. Чтобы верили, радовались. Чтобы были свободными. Свобода — это не то, что «можно» все говорить. Ну заговорили — и что? Нужно чувствовать себя свободным. Свободно, без надрыва любить свою страну... Шестидесятники были другими... Дело даже не в том, что нет каких-то благ... Недостаток в другом — чувствовать себя свободно не умеем... Для чего мы живем? Простой вопрос, конечно. Вот ответить... Мне запомнилось, режиссер Анатолий Васильев сказал как-то: «Мы живем, чтобы воплотиться». Многие честные и правильные люди до седых волос так и дожили, не воплотившись. Как роль чужую под суфлера сыграли...»

И все же, все же: «В землю бросайте зерна, может, появятся всходы» (В. Высоцкий). Поэт всегда оптимист, и это оправдано жизнью, как бы сложно и драматично она ни складывалась:

Что же, выходит, и пробовать нечего?

Перед туманом ничто человек?

Но от тепла, от тепла человек?

Даже туман поднимается вверх.

Эти строки Владимир Высоцкий написал в тяжелое для себя время, но он всегда умел быть выше преходящих обстоятельств: «Сомкните стройные ряды, покрепче закупорьте уши. Ушел один — в том нет беды, но я приду по вашей души». Это прозвучало жестко, но таков был слог и нерв Высоцкого.

В ОДНОЙ СВЯЗКЕ

со своим народом был и остается Владимир Высоцкий

ни его пытались представить то диссидентом, который случайно задержался в России, то мимолетным гостем своей страны, пытались отлучить от Родины.

Цепь бесконечных унижений ковалась год от года. Дошло до того, что в порыве отчаяния Высоцкий написал письмо Л. И. Брежневу, в котором прямо ставил вопросы о своем неопределенном положении художника-гражданина, о бездуховности современного искусства. Однако это был глас вопиющего в пустыне... В этом случае Высоцкий лишь продолжил давнюю традицию советских деятелей культуры, обращавшихся с подобными вопросами. Вспомним отчаянные письма М. Булгакова, Е. Замятина — в эти 30-е годы, а счет этим письмам открыл в 1923 году Сергей Есенин, писавший: «...Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть...» В ответ на запрещение авторских вечеров, отказы редакций печатать его стихи у Высоцкого появлялись горькие строки:

Если трудно идти — ко
колено в грязь,
Да по острым камням,
босиком по воде
по студенной...
Пропыленный, обветренный,
дымный, огнем
опаленный —
Хоть какой, — доберись,
добреди, доползи.

Но при жизни его стихи «печатались» в самых заветных «изданиях» — на могилах погибших альпинистов.

В конце 70-х годов, когда Владимир Семенович бивал в Европе и Америке, где ему неоднократно предлагали остаться, он однозначно и жестко отвечал своим «благодетелям»: «Уехать из России? Зачем? Я не диссидент, я артист. Я работаю со словом, мне нужны мои корни, ведь я поэт. Без России я ничто, я не существую без того народа, для которого пишу...»

ский Вийон». Во время гастролей Таганки во Франции осенью 1977 года в числе прочих спектаклей показывали в Марселе «Гамлета». Самый первый спектакль чуть не сорвался из-за опоздания Высоцкого. Пропал. Волнение, переполох, Любимов в панике... Наконец кто-то вспомнил, что Владимир Семенович хвалил одну приморскую таверну-кабачок, где у него завелись друзья из портовых рабочих и иностранных матросов. Бегом в таверну — и действительно: многоголосый шум, а в центре Высоцкий с гитарой! Вокруг него буйная стихия, где царил «полный мускул жизни» и... гремел голос «русского Вийона». В тот же вечер он блестяще отыграл спектакль, получив восторженные овации от благодарных зрителей и суровое непечатное порицание от своего главного режиссера... А еще был переполненный зал в Париже «Элизе Монмартр», где без перевода было понятно, на одной эмоциональной ноте, о чем поет Владимир Высоцкий. Парижане приняли песенный монолог советского поэта, и Париж — этот театр улиц — стал для него своим городом. Вместе с Мариной Влади он пощелал и русское православное кладбище в городке Сен-Женевьев-дю-Буа, где похоронен ее отец Владимир Поляков-Байдаров, летчик-доброволец, попавший во Францию еще в первую мировую войну с Русским экспедиционным корпусом, а позже воевавший в армии генерала де Голля против фашистов. Здесь же, на этом кладбище, Высоцкий встретился с могилой Александра Галича, погибшего во Франции в 1977 году. В душе Владимира Высоцкого была та самая «любовь к отеческим гробам», которую еще Пушкин считал необходимой для нравственного здоровья общества. Выступая в Нью-Йорке, Чикаго, Монреале, Торонто, Высоцкий не избегал встреч со своими соплеменниками — эмигрантами из России, ибо по-

массовой информации популяризировали творчество Высоцкого еще при его жизни, в этой стране были впервые напечатаны его стихи, сделана единственная видеозапись спектакля «Добрый человек из Сезуана». В югославском городе Риека в конце прошлого года состоялся спуск на воду нового танкера «Владимир Высоцкий». В 1976 году поэт-актер был в Югославии со спектаклем «Гамлет». Что же происходит у нас? Большинству кажется, что должное Высоцкому воздано: несколько книг, диски, Государственная премия СССР, телефильмы... Но во все изданиях повторяется один и тот же набор содержания: военные песни, и то избранные, где нет наиболее острых вещей о войне, ни одной философской баллады и т. д. Все время пытаются подать какого-то «дистиллированного» Высоцкого, «да еще под маской вдруг прснувшейся любви», — как метко заметил И. Губенко.

Создавая свой песенно-поэтический эпос (более 800 произведений в этом жанре), Высоцкий открытым текстом кричал о своей гибели, а мы видели и слышали зачастую лишь поэтические метафоры необычайной меткости и силы. А ведь был на слуху канатоходец, который «не по прополке над ареной — а по нервам, по нервам, по нервам шел под барабанную дробь». И тут же баллада об экипаже подлодки, идущей на последний таран, и ясно сознающего неотвратимость гибели: «Вот «Полный — на верфи!» Натянуты нервы...» Или щемящее: «Я коней напою, я куплет допою, — хоть мгновение еще постою на краю...» Он был один и многолик одновременно! Улышав эти строки, поэт Александр Межиров написал:

Как Высоцкий поет
Про своих одичалых коней,
Так жестокий цейтнот
Мне сжимает виски все
тесней...